

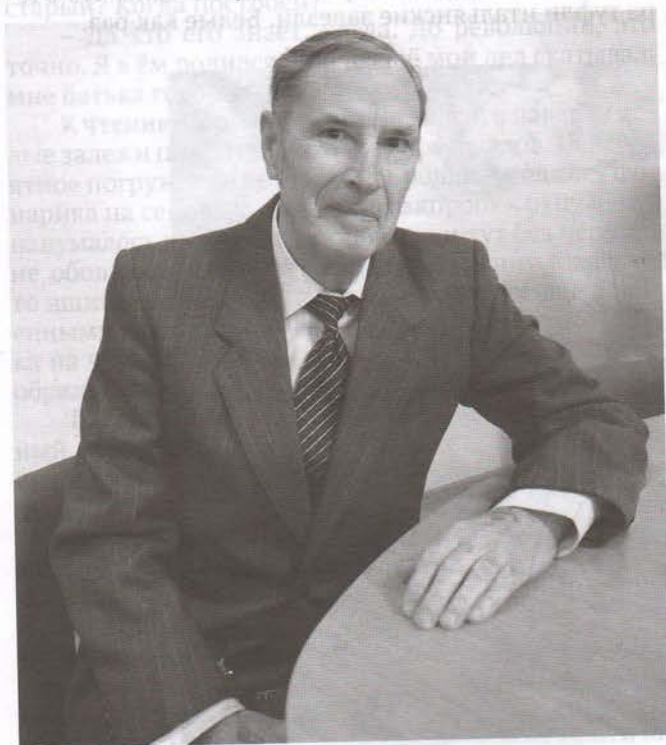

ЧЕРЕМШАН

Александр ОСИПОВ

«ЖЕЛАЯ ОТРАЗИТЬ ЭПОХУ...»

Записки выпускника

К юбилею Ульяновского ордена «Знак Почёта»
электромеханического колледжа

Об авторе

Александр Степанович Осипов родился 10 марта 1937 года в селе Барышская Слобода Сурского района Куйбышевской (ныне Ульяновской) области.

После школы окончил Ульяновский механический техникум, работал на Юрюзанском механическом заводе, после чего поступил в Куйбышевский политехнический институт и получил высшее техническое образование. Трудился инженером-энергетиком в Уфе, на заводах Урала, на Димитровградском агрегатном заводе, преподавал в Димитровградском механико-технологическом колледже молочной промышленности.

Литературной деятельностью занимается с 18 лет, мастерство писателя успешно оттачивал одновременно с учёбой, работой и преподавательской деятельностью. Член Союза писателей России, член димитровградской писательской организации «Слово», автор нескольких сборников стихов и прозы, ветеран труда СССР, ветеран труда Ульяновской области.

В сентябре этого года исполняется 95 лет со дня образования Ульяновского ордена «Знак Почета» электромеханического колледжа. Это старейшее учебное заведение Ульяновской области сформировано 15 сентября 1930 года как механический техникум по приказу Народного комиссариата тяжёлой промышленности. Колледж много лет осуществляет подготовку квалифицированных специалистов народного хозяйства. Александр Степанович, окончивший техникум ровно 70 лет назад (тоже юбилейная дата!), вспоминает период обучения как непростое время, обозревая его взглядом умудрённого жизнью философа: где-то объективно и беспристрастно, где-то с мягким юмором и самоиронией, а преимущественно – по-доброму и легко, с искренней теплотой отзываясь о техникуме и хороших интересных людях, встретившихся в начале его жизненного пути.

Сегодня рубрика «Черемшан» знакомит читателей с этими воспоминаниями.

Начало пути

А. Осипов. 1953

В то время, в 1951–1955 годах, он назывался Ульяновский механический техникум. Наград не имел, но считался лучшим в Ульяновской области.

Боже праведный! Какие страсти тогда кипели здесь! Как мне хотелось сюда поступить! Чего только ни бывало за те четыре года, что мне довелось здесь проучиться! И не удивительно.

Здесь начало моего пути, начало осмысления жизни. Рождение моих надежд на лучшую долю, романтические грёзы о неясном, тревожно-приятном будущем, о неведомых городах и странах, о счастье и любви, о необыкновенных людях, с которыми предстояло жить, работать, встречаться...

Всё это уже позади.

Здесь я пережил смерть Иосифа Сталина 5 марта 1953 года и последовавшую за этим эпохальным событием ворошиловскую амнистию. Видел идущие со стороны Урала и Сибири товарняки с освобождёнными зэками, мелкую шпану, бегающую по крышам вагонов, ощущал всплеск преступности в городе. Запомнил убийство криминального авторитета Заволжья Ахмета Мая. Обедал за одним столом с младшим сержантом милиции (убившим его) в общем зале фабрики-кухни на улице Ленинградской...

Здесь кожей почувствовал нелёгкую жизнь рабочего, видел бараки, сам весь первый курс прожил в таком. Узнал, что такое номерные заводы СССР – почтовые ящики, что такое форма допуска. В пятнадцать лет давал подписку о неразглашении государственной тайны. Учился держать язык за зубами: молчать, когда хотелось кричать, улыбаться, когда хотелось плакать. Здесь пацаном узнал от взрослых, что такое НКВД, МГБ и МВД. Затылком чувствовал их холодное дыхание.

Здесь учился жить самостоятельно без мамы и бабушки; научился жить «на подсосе», т. е. в состоянии длительного полуголода. Здесь я испытал унижение безденежьем, бедной одеждой, разбитой

обувью, рванными носками. Слышал от некоторых презрительное слово «колхозник».

Здесь впервые в жизни увидел живого негра – Роберта Росса (друга известного негритянского певца Поля Робсона), выступавшего в спортзале техникума при огромном скоплении учащихся и преподавателей. А вот о чём шла речь, увы, не помню.

Здесь же, и тоже впервые, увидел живого Героя Советского Союза, лётчика-штурмовика, подполковника Филиппова, который в том же спортзале рассказывал нам о реактивных самолётах. В этом же спортзале (служившем и актовым залом) смотрел концерты художественной самодеятельности моряков с арсенала и наших самодеятельных артистов. В этом же зале учился танцевать.

Каких только кружков и секций в нашем техникуме не было! И всё бесплатно. Например, хорошо помню, что секцию тяжёлой атлетики (штанги) вёл Василий Петрович Нужин. Великолепный атлет Нужин руководил ещё и кружком народных инструментов. Помню «Лесную сказку» в исполнении этого ансамбля. В техникуме, занимаясь в кружке мотоциклистов, я научился водить мотоцикл Иж-350. Занимался в парашютном кружке, но к прыжкам с парашютом допущен не был из-за повышенного артериального давления. Только во время прохождения медкомиссии инструктор заставил нас прыгнуть с балкона второго этажа районной поликлиники (не хрущёвка!) на асфальт. «Удар на ступни ног и позвоночника будет примерно такой же, как при настоящем приземлении», – сказал он. Я не задумываясь прыгнул. Прыгнул удачно, как учили, т. е. на носки. И всё же отбил пятки. Второй раз прыгать не хотелось... Занимался в лыжной секции под руководством знаменитого Культина – футболиста, игравшего в ульяновской «Волге» или «Зените». Изгнанный оттуда за какую-то провинность, он временно подвизался у нас в роли преподавателя физкультуры. Культин гонял нас как проклятых по всем пригоркам Верхней Часовни всю осень, до белых мух. И не просто гонял, а ещё гусиным шагом. Помню, как страшно болели икры ног; как хотелось упасть на землю, не шевелиться и просто смотреть в небо. К моему удивлению и тихой радости, наш наставник так же внезапно, как и появился, исчез из техникума. И хотя все мы выполнили норматив третьего разряда (и не только по лыжам), Культин напрочь отбил у меня всякую охоту к спорту. Чуждый всякой соревновательности и бахвальства любил физкультуру.

Здесь я научился ездить без билета на поездах ближнего и дальнего следования с помощью спецключа, изготовленного в учебных мастерских. Здесь выучил «шлягер» того времени: «Зимой и летом мы ездим без билетов, кондуктора нас знают, штрафуют, гоняют... А мы им ответим студенческим билетом... Студенты – гении, пора бы знать. Любую сессию сумеем сдать. А коль не знаешь на билет, так не забудь про шпаргалет...»

Неисчислимо количество раз снимался я на станциях с поездов, получая увесистые пинки под зад от доблестных «легавых» транспортной милиции. После таких полновесных пинков мне не раз приходилось пахать носом, лбом и бровями землю, усыпанную угольной крошкой. Но ни разу не нарывался на штраф, так как был несовершеннолетним и всегда показывал ученический билет, даже тогда, когда уже имел паспорт. Грозой безбилетников на участке Ульяновск – Инза был свирепый ревизор Тарханов, награждённый за усердие орденом Ленина. Этот сухонький, тщедушный пожилой человек всегда ходил в сопровождении сытого, пышущего здоровьем «легавого» – виртуоза по части раздавания пинков под зад. Однажды я всё-таки угодил в костлявые лапы Тарханова на станции Выры. Недовольно повертев мой замызганный ученический билет, на котором в полутёмном тамбуре и фамилию-то прочесть было почти невозможно, он, пожевав губами, сделал знак державшему меня «легавому». Служебная обязанность была исполнена «держимордой» так квалифицированно, что я, пропахав носом метра два по земле, оказался на дне небольшого оврага. Очухавшись, разглядел в темноте, рядом с собой, серый шевелящийся ком. Ком этот, к радости моей, оказался Генкой Силантьевым – моим сокурсником, получившим пинок ранее. Выждав, когда поезд тронется, мы с ним едва успели зацепиться за подножку последнего вагона. Гораздо позднее, именно в мае 1955 года, меня ссадили с товарняка ровно на середине железнодорожного моста через Волгу, который ныне горделиво именуется Императорским. В те времена через этот мост ходил рабочий поезд только дважды в сутки: утром увозил рабочий люд с правого берега на левый (на Володарку), а вечером наоборот. А вот в течение всего дня по ж/д мосту проходили только товарняки. На одном из них я и попался. К тому времени мы наловчились прыгать с товарняков на подъёме на Верхнюю Часовню и легко запрыгивать на замедлении хода, например на станции Ульяновск II (ныне несуществующей).

Мне тогда часто приходилось курсировать с левого берега на правый, т.к. моим руководителем по дипломному проектированию был преподаватель строительного техникума инженер-электрик Давыдов. Техникум же этот располагался на правом берегу в центре, на улице Гончарова. До сих пор не знаю, кому я обязан этим «удобством». Но для меня это не представляло тогда особых проблем, ибо «катался» я всегда бесплатно. И не я один. Никогда (это мы знали почти наверняка) ни товарняки, ни единственный в то время «пассажир» Уфа – Москва на железнодорожном мосту не останавливались. И вот случилось...

Студенты В. Зинин и А. Осипов

Ехал я стоя на сцепке между двумя товарными вагонами вместе с бывалым усатым парнем лет 29–30, одетым в осеннее, грубого солдатского сукна, чёрное пальто Языковской суконной фабрики им. Тинякова. Из-под пальто виднелись солдатские галифе и такая же гимнастёрка. На ногах парня были армейские кирзовые сапоги. Поезд грохотал со страшной силой, набирая скорость, и вдруг на середине моста, резко затормозив, остановился. По неписанному правилу нужно было в этот момент прыгнуть и бежать от товарного состава как можно дальше, но прыгивать и бежать было некуда. Мы притаились. Раздался металлический грохот подкованных солдатских сапог и винтовочных прикладов о рифлёнку моста, крики, матерная брань солдат, топот убегающих по мосту зайцев, разъярённая красная рожа солдата охраны передо мной. И вот мы с парнем пополняем ряды «преступников»! Поезд трогается. Я взлетаю на буфер грудью и пытаюсь правой рукой дотянуться до сцепки, но мне мешает огромный том учебника Баптиданова «Подстанции и сети». Я сползаю, рискуя оказаться под колёсами, слышу грубый окрик: «Куда, дурак? Жить надоело?!» И оказываюсь в объятиях этого солдата. Поезд уходит. Мы, несколько человек, под конвоем бредём по мосту в сторону станции Ульяновск II, в комендатуру. Солдаты сопят, подковы их сапог клацают, приклады винтовок тоже. Старшина – начальник конвоя, высокий широкомордый татарин с автоматом ППШ наперевес, обещает нам по одному году исправительных работ в колонии... Усатый парень откровенно издевается над старшиной, называя его тыловой крысой, сундуком и тормозом (кличка сверхсрочников того времени). Мне 18 лет. Я боюсь, думаю о маме: каково ей будет узнать, что её «надёжа» – зэк, а не дипломированный